

Въ эту минуту взглядъ Зины, стоявшей у кресла, упалъ на большой фотографическій портретъ военнаго. Она тутъ только поняла, кто былъ этотъ мужчина для ея матери... На него та и намекала. Такой намекъ показался ей еще возмутительнѣе по своей неделикатности и даже цинизму.

— Мнѣ не нужно этого знать! — неловко выразилась она по-русски, и лицо ея стало такъ сурово, что Людмила Мионовна отодвинулась отъ нея въ уголь кресла, заахала и застонала.

— Ничего, ничего мнѣ не надо! Грѣхъ, грѣхъ такъ!

Она не докончила; слезы полились изъ глазъ, голова упала на грудь, ноги вытянулись, во всѣхъ членахъ произошло почти мгновенное одеревенѣніе.

Зина увидала это. Она не перепугалась; — скорѣе, озлилась. Съ ней бывали такіе же припадки. И какъ ни внезапно былъ ея испугъ, она успѣла еще разъ вознегодовать на мать за то, что та ей передала такіе нервы и всѣ эти „sales infirmités“, которыя съ замужествомъ вовсе не проходятъ.

— Доктора! — крикнула она, заглянувъ въ первую комнату.

Она не растерялась, но ею овладѣло стремительное чувство: бѣжать отсюда и никогда не возвращаться. Что изъ того, что эта отставная танцовщица — ея родная мать? Она чужда ей, смѣшна, безтактна, возмущаетъ ее!..

Кухарка кинулась за Лукашинымъ. Зинѣ тяжело было вернуться къ матери. Она боялась всего въ этой квартирѣ... Вдругъ какъ та умерла скоропостижно?

Лукашинъ прибѣжалъ весь красный. Онъ тоже подумалъ: не ударъ ли нервный, но совсѣмъ отъ другого — отъ радости, что ласкаетъ дочь.

— Идите!.. Идите! Обморокъ! — кликнула ему Зина и почти побѣжала вонъ.

— Вы... ѣдете? — съ изумленіемъ успѣлъ спросить Лукашинъ.

— Я не могу, не удерживайте меня... мнѣ самой нехорошо!.. Идите...

Онъ бросился къ Людмилѣ Мионовнѣ. — Зина скорыми шагами дошла до калитки, крикнула кучера, вскочила въ коляску и сказала ему порывисто:

— Домой, на Тверскую!

Только въ коляскѣ ея стало душить, въ глазахъ завертѣлись круги, и опять то же ощущеніе, что вотъ, вотъ у нея отнимутся ноги.

Страхъ напалъ на нее уже сильнѣе; она стала хвататься за